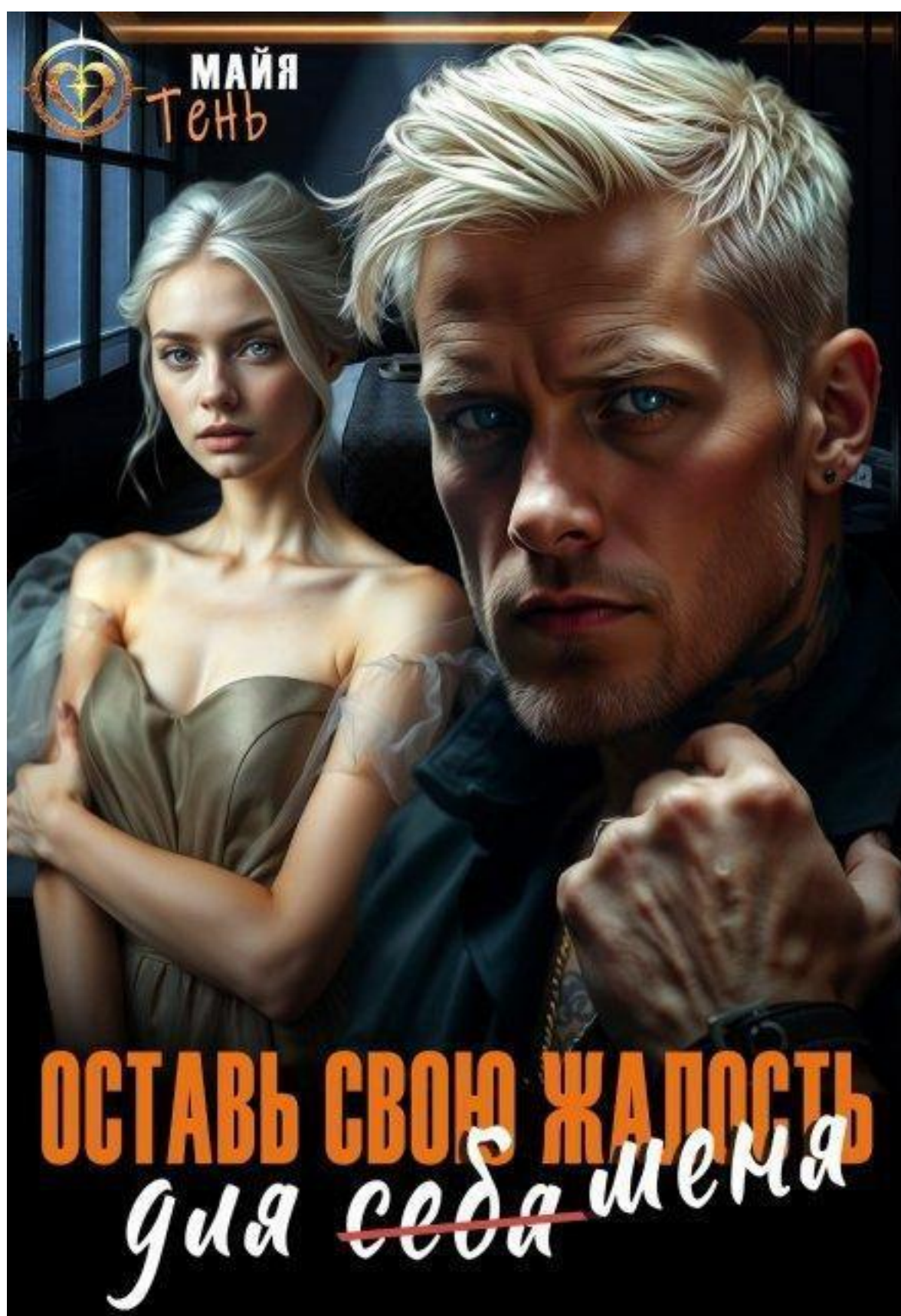




ОСТАВЬ СВОЮ ЖАЛОСТЬ
для себя ~~меня~~

Майя Тень

**Оставь свою жалость
для (себя) меня**

«Литнет»

2025

Тень М.

Оставь свою жалость для (себя) меня / М. Тень — «Литнет»,
2025

ЗАВЕРШЕНО НОВИНКА! ИСТОРИЯ АЛЕКСА: Он. К вещам его учили относиться бережно, а вот ломать людей он умеет. Сломать эту невзрачную мышь для ее же блага? Не вопрос. Но... может, стоит выбрать более долгий, но щадящий способ взаимодействия с ней? Тем более очень скоро ее враг становится их общим врагом. Она. Смерть и завещание отца заставляют ее корректировать планы на ближайшее будущее. Задержалась на исторической родине больше, чем планировала. Проблемы с правоохранительными органами. Страшные угрозы. Игры с двойниками. И впереди маячит вынужденный брак с нелюдимым телохранителем отца. Но у нее свои правила игры с мужчинами, и менять их она не собирается. А он... с ним играть страшно вато, если честно. Книга – участник литмоба
любовь_под_прицелом_литмоб

© Тень М., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Егор	5
От автора	7
Глава 2. Егор	8
Глава 3.	9
Глава 4. Лика.	11
Глава 5.	13
Глава 6.	14
БОНУС	16
Глава 7.	17
Глава 8.	19
Глава 9.	21
Глава 10.	23
Глава 11.	25
Глава 12.	27
Глава 13.	29
Глава 14.	31
Глава 15.	33
Глава 16.	35
Глава 17.	37
Глава 18.	39
Глава 19.	40
Глава 20.	42
Глава 21.	44
Глава 22.	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Глава 1. Егор

Предупреждение:

Данная книга предназначена исключительно для лиц старше 18 лет. В тексте могут быть: ненормативная лексика, откровенные сцены, сцены курения или распития алкоголя. Все события, локации, персонажи являются вымышленными, а совпадения – случайны. Книга предназначена для развлекательного чтения.

Рассвет еще не прогнал ночную мглу, когда мы с Марианной вышли из авто и дверца хлопнула громче чем следовало бы. Возможно, громче и не было. Просто вокруг было слишком тихо, город был слишком сонным. И ворона на дереве злобно каркнула – сделала замечание. Вдохнув полной грудью мартовский воздух и наступив на грязную жижу, я открыл дверцу со стороны своей спутницы. Марианна оперлась на мою руку и очень осторожно вышла из автомобиля. Она, как и многие женщины, не любила это время и ждала, когда весенние воды смоют грязь, распустятся первые почки, проклюнутся крошечные листики на деревьях, а газоны покроются одуванчиками.

Как по мне, в марте есть своя прелесть. Я любил и эту грязную жижу и с удовольствием впитывал неповторимый ее аромат – аромат не какой-то там лечебной сероводородной или специфической плюффовой грязи, а вот такой, нашей, мартовской.

На душе почти спокойно. Потому что полное спокойствие в ближайшее время быть не могло априори.

С Марианной вообще всегда было легче – по крайней мере до последних пор, и потому тревога начинала немного пускать корни в самое сердце: я не привык и не приемлю длительные отношения, а значит, скоро нам придется расстаться. Непривычно, но мне не хотелось этого. Эта малышка была другой. С ней было легко, непринужденно, она понимала меня, по крайней мере старалась, и поэтому я позволял ей иногда оставаться в своей квартире на целые выходные.

Не уверен, что сделал правильно, пригласив ее после клуба к себе домой. Разумнее было бы выспаться и обмозговать последние события и новости. Только сначала мне надо было выпустить пар, а махать кулаками на улице, устраивая самосуд каким-либо подонкам, коих в нашем городе немало – не хотелось, этот уровень был пройден давно, в спортзал идти бесполезно – он закрывался ровно в 23.00.

Пришлось звонить Марианне и приглашать в клуб. Тупо позвать домой, чтобы получить разрядку или сделать это в туалете пусть и лучшего в нашем городишке клуба – нет, малышка такого не заслужила. Поэтому сначала она натенцевалась вдоволь, а я смотрел, как плавно двигает она бедрами, как задорно подпрыгивают в такт музыки ее упругие третьего размера груди и .. успокаивался. Все решается. Все на свете решается. Да, для меня проще, если все решается быстро и при помощи стандартных методов – объяснить, запугать, разорить, купить, ликвидировать и прочее. Как правило, проблема в скором времени самоустранилась: уезжала из страны, сдавала нечистых конкурентов или замолкала навечно.

Игнат Родионович удивил. Потому что теперь главной проблемой для самого себя стал я. Ирония судьбы, не иначе. Но стакан виски и малышка, отрывающаяся на танцполе сделали свое благое дело. Убивать и убиваться расхотелось.

– Как громко!.. – испуганно заявила Марианна.

– Громко? – переспросил ее. Дверцу машины что ли она имеет ввиду?

– Ворона как-то громко закричала. До мурашек пробрало.

– Не бойся, сладкая. Мы растревожили ее сон, только и всего. Вот она и сделала нам замечание на своем, на вороньем.

– А кажется – прокляла...

От автора

Дорогие читатели!

Я очень рада видеть вас на страницах своего нового романа! Надеюсь, вам будет горячо, эмоционально и временами больно (боль залечим обязательно).

Немного о книге:

В этой книге нет идеальных героев, есть покоцанные души. Почти каждый из них встретился с травмой, от которой пытался защититься и, когда адекватные защитные механизмы не сработали, включились корявые.

Не надо пытаться понять их мысли и поступки, это может быть сложно: слишком разные пути пройдены, слишком разные триггеры взрывают мозг и сердце.

Есть лишь один плюс, одна надежда: даже если ваша частичка души сломана, может найтись тот человек, рисунок души которого своей неидеальностью подходит именно вам – как нужная деталька паззла.

Сложность в том, что мы не любим собирать паззлы, и Ангелам-хранителям приходится продумывать почти чудовищные многоходовочки, чтобы недостающие детали притянулись друг к другу. Еще большая сложность в том, что остаться в живых при таких многоходовочках – нелегкая задача. Да-да, Ангелы тоже неидеальны. Они тоже отбрасывают тень. Всё на свете отбрасывает Тень. Будьте осторожны!

Итак, если вы со мной, читаем дальше. В добрый путь!

Глава 2. Егор

– Проходи, малыш, – приглашаю Марианну в свое логово. Она здесь уже была, и даже пара ее футболок и домашних шорт валяются в моем шкафу, но каждый раз очень мило смущалась, будто пришла к мужчине в дом в первый день знакомства и теперь не знает как себя вести.

Исправляю ситуацию – разливаю по бокалам белое полусладкое. Добавляю в атмосферу немного романтической музыки – готово, скоро настанет очередь жарких поцелуев.

Кто бы видел, что я делаю сейчас в своей квартире! Романтик херов! Раньше мой романтизм дальше букета цветов и ювелирки не продвигался. Да и те я не умел красиво преподносить и меня это ничуть не волновало. С Марианной – по-другому. Более понятливой девочки у меня еще не было. Да, в плане секса со всеми были все окей. Все опытные, все все знают, без души, зато необходимую разрядку получал. С Марианной разрядку получали тело, мозг, сердце – всё.

Вот и сейчас малышка отлично поняла, что мне надо, причем, чем скорее, тем лучше, день выдался нервным. Малышка уже успела остаться только в бюстгалтере и крошечных трусиках и теперь осторожно поглаживала мою грудь. Нежно целую ее пальчики и аккуратно постриженные, ухоженные ноготочки. Все как мне нравится, все как я люблю: нежный молочно-розовый лак и никаких камешков и блесток; нежный овал – никаких острых углов. Женщины должны быть мягкой, уютной, удобной, а не с ярко-красными агрессивными ногтями и объемными камешками, издали кажущимися уродливыми бородавками на ногтях.

Торопливо прохаживаюсь по длинным волосам, спускаюсь к груди, засовываю руку в чашечку лифчика и чувствительно сжимаю ее горошинку. Поддаюсь вперед, услышав ответный протяжный стон и накрываю ее рот своими губами. Вот она – спасательная глубина, погружение в которую приведет в порядок мысли и голову.

Нет времени и желания тащить девочку на кровать, нежность и мягкость, которую я старался оказывать Марианне исчезли. Излишне грубо подталкиваю ее к столу, где до сих пор стоят наши бокалы. Резче, чем обычно заставляю упереться руками об твердую поверхность, слишком быстро, даже не смакуя момент, проверяю ее складочки и практически сразу проникаю туда. Сильно. Резко. Быстро. Марианна такого не заслужила, но мне так было надо. Еще, еще несколько толчков и все напряжение уходит, уходит окончательно. Бедная малышка лежит не шелохнувшись, скорее всего, ждет дальнейших моих действий.

Наклоняюсь к столу, вернее, к ней и делаю то, что должен сделать, если только не последняя сволочь – целую плечи, область под лопатками, шепчу какие-то глупости, хочу перевернуть к себе и проверить, нет ли мокрой дорожки на щеке. Неловким движением задеваю бокал. Звон разбитого стекла заставляет вздрогнуть и я резко отстраняюсь от Марианны. Эфемерное спокойствие тоже рассыпается стеклом. Битое стекло отражает события прошлого – далекого и не очень. Все, что касается Игната Родионовича не имеет срока давности. Все его распоряжения выполняются, не обсуждая.

Даже если он уже мертв.

Дорогие и любимые! Буду рада, если вы, читая книгу, будете зажигать звездочку ("мне нравится"), добавлять в библиотеку, чтобы не потерять и делиться своими мыслями и эмоциями. Подписывайтесь на страничку, чтобы быть в курсе всех новостей!

Глава 3.

Руками собираю осколки, не замечая, что Марианна пытается неловкими движениями обратить на себя мое внимание. Я обратил. Волосы спутаны, на теле – мелкие мурашки, из-за неудовлетворенного желания чуть подрагивают ноги. В общем, неважно, вот сейчас это не имеет никакого значения. И я даже верю, что прав мой друг Тимур: я не создан для отношений и по мне плачет длительная психотерапия. Так как душу свою раскрывать я ни перед кем не собираюсь, так и помру, в скорби и одиночестве. Не мои слова – слова Тимура. Надо его в телефоне переименовать на Пророка за потуги предсказывать будущее.

На самом деле то, что сейчас происходит, мне совсем непонятно, мне совсем не нравится. Или нравится? Или я ждал, что когда-нибудь и Марианна превратится в *одну из всех*?

– Мне уйти? – Марианна, наверняка, злится, щеки заливают алым цветом за считанные секунды.

К чему задавать вопрос, когда ответ очевиден – не понимаю, начинает раздражать.

– Исчезни, сделай одолжение.

Губы дрожат, но Марианна умная девочка и понимает, что спорить бесполезно, а то и не безопасно. Благоразумие берет вверх, менее чем через двадцать минут я остаюсь один.

Звук захлопнувшейся двери навсегда разделяет наши отношения: я никогда не поступал с Марианной так, как с другими. До сегодняшнего дня.

Потому что сегодня сквозь разбитое стекло на меня посмотрело мое прошлое. Укоризненно смотрело. Я помнил, какой неуклюжей Она была в подростковом возрасте, все летело из ее рук. А еще неприметная, бесюче-медленная, неторопливая – словно тень. Ожидать от нее, что она при первом разговоре по телефону примчится к родительскому дому – как минимум глупо.

А ведь помимо звонка были и мои сообщения, как текстовые, так и голосовые. Я предельно вежливо просил не откладывать визит в родные края, в родное гнездо. Убедительным быть я умею, но тут мне приходилось быть вежливо-убедительным, что оказалось, гораздо сложнее. Если б она не была дочерью Игната Родионовича, наше общение давно вышло бы рамки, диктуемые этикетом коммуникации и она уже стояла бы передо мной, и мы вместе бы думали над нелегкой задачей, что поставил перед нами ее отец. Я не мог присутствовать на его похоронах и попрощаться. Лежал в больнице, ощущая все прелести бытия на грани сознания. И теперь не мог просто наплевать на его последнее письмо, последнюю просьбу. В любом случае бы не смог.

“До момента оглашения завещания вы должны стать мужем и женой. Можете по любви и пока смерть не разлучит, можете договориться на год. В противном случае Лика получит всего лишь одну из наших квартир. Все остальное будет аннулировано. Поверь, Егор, я делаю это из лучших побуждений, для того, чтобы Лика не осталась с голым задом и простреленной головой. Ты не знаешь, на что способны люди Новикова. Прости, что впутываю тебя и знай, что ты можешь отказаться. Но это моя последняя просьба к тебе. Мои юристы объяснят: вознаграждение будет достойным. Я знаю твое отношение к Лике. Но присмотришь, Лика не так уж плоха. И я люблю вас: и ее, и тебя. Ты знаешь, что ты мне как сын. Это мои последние слова, можешь считать – моя последняя воля. Прощай, Егор”.

Я не представлял, как все это объяснить Лике и думаю вряд ли перспектива брака со мной ее обрадует. Но я знаю людей Новикова, те еще отморозки. А Лика, скорее всего живет в своем мире иллюзий. Бездушная сука, которая не способна любить. Даже отца.

*Мои дорогие, пока вы ждете новую главу, предлагаю познакомиться с дерзкой новинкой
- первой книгой нашего литмоба*

"Любовь под прищелом"

Диана Кравиц

Рай из Ада

<https://litnet.com/shrt/g91W>

Глава 4. Лика.

С детства боюсь подъездов, темных, из-за вечно перегоревших лампочек. Даже много позже, когда папин бизнес резко пошел в гору и скромная хрущевка сначала сменилась панельным домом в центре города, а потом двухэтажным частным домом в элитном жилом комплексе, страх остался. Но на этот раз они – подъезды – станут моим спасением. Чудом врываюсь в темное пространство, нажимаю на кнопку вызова лифта. Лифт едет слишком медленно, мне надо быть быстрее моих преследователей, я должна добежать до 7 этажа.

Почему до седьмого? Не знаю, так подсказывает внутреннее чутье. Наверное, потому что второй этаж – это слишком низко, не наверняка, и тогда мои преследователи, мои мучители добьются меня такую – со сломанной ногой или что там бывает, когда выпрыгиваешь с недостаточной, чтобы убиться высотой?

Я слышу их топот. Ну конечно, они быстрее меня – гопники, выросшие на улице, мастера боев без правил, что там бои – жизни без правил и морали. Что против них я, девушка под метр с кепкой, с фигурой подростка, вдобавок со спортом никогда не дружила? Надоело, надоело жить с оглядкой на других, подстраиваться под всех. Пусть это будет последний день в моей жизни, но на этот раз будет по-моему, даже ценой смерти.

Потому что это лучше, чем оказаться под их властью, выполнять их желания, угождать их мерзкой похотливой натуре. Я это знаю точно. Потому что пережила. Цена такому угождению – жизнь, я осталась жива. Но спроси меня сейчас, согласна ли я еще раз заплатить такую цену, отвечу отрицательно.

Поэтому бегу, бегу на седьмой этаж изо всех сил. На последнем дыхании. Я чувствую, что эти два отморозков догоняют, но я уже у окна! У открытого окна!

Надо решиться перешагнуть. Невыносимо страшно так, что не хватает воздуха. Судорожный вздох. Нет времени лелеять свой страх, надо просто решиться. Надо, Лика, надо! Лучше так, чем то, как ты жила последний год. Давай, Лика! Чувства достигают предела, балансирую на грани возможности их выдержать и ... просыпаюсь.

Сердце колотится как сумасшедшее. Рядом никого нет. Открываю окно, словно мне на самом деле не хватает воздуха. Страх все еще не отпустил. Надо позвонить Алексу. Надо, наконец, рассказать ему, что я вынуждена буду уехать на неопределенное время домой. Алекс не обрадуется. Наши отношения и так держатся на ниточке, точнее, на правилах, которые мы обговорили с самого начала. А если я уеду, это может означать конец. Да, скорее всего это будет конец. Может быть, Алекс даже обрадуется...

А я? Мне нужна эта боль. Мне нужны его ласка и объятия, которые следуют за нею. Что я получу взамен этого дома? Настойчивые звонки и сообщения Егора говорят, что его терпение на исходе, а значит, можно ждать все, что угодно и лучше не вынуждать его принимать крайние меры. А то, что люди отца способны на жесткие меры, я знаю. Тем более Егор – самый верный, почти сын.

Внутри разрывает от отчаяния. Я только научилась справляться со своими кошмарами. Благодаря Алексу они практически прекратились. А теперь... все зря?

Четыре года в Лондоне. Элитный колледж. Абсолютная безопасность. Охранники с размером быка. Но главное – Алекс. Все зря?

Я ведь почти забыла эти кошмары, где темно. И я бегу, бегу... Они появляются из ниоткуда. Всегда мерзкие. Всегда большие. Не люди – отморозки. И каждый раз кричу, кричу, молю о помощи, только из темноты нет ответа. И каждый раз просыпалась не только от страха, но и от ненависти ... нет, не к этим треклятым ублюдкам, а к людям – живым людям, самым близким людям, которые так и не отозвались, когда я молча кричала о поддержке.

Не отозвались...

Не отзывались..
Не отзывались.

Глава 5.

– Алекс, нам надо поговорить...

Такие простые слова, которые в обычных парах произносятся, наверное, не раз и не два. Очень сложно их произнести... Я сама придумала те правила, на которых зиждятся наши отношения, а теперь сама же мучаюсь, давась словами, звуками, мыслями.

Алекс не дает досказать. Я и не могу. Не готова. Как вообще можно быть готовой отказаться от самого дорогого в своей жизни?

Алекс – моя боль и мое же обезболивающее. Если его не будет, я выгорю, выцвету, я стану тенью от прежней Лики. Как доктора прописывают лекарства сроком «пожизненно» безнадежным больным, так и Алекс нужен мне, нужен всегда.

А сейчас я пытаюсь отказаться. Почти добровольно. Такое может совершить только человек, который хотя бы верит, что справится без своей спасительной таблетки. А у меня даже веры такой нет. Я не смогу без Алекса, не смогу...

Алекс знает меня лучше, чем кто-либо другой. И сейчас он не спешит вытирать мне сопли и гладить по волосам, а резче, чем я ожидала, прерывает мои попытки изъясниться.

– Так, стоп, Лика. Рот пока закрой. Я завариваю чай с ромашкой, ты успокаиваешься, и все расскажешь. Я могу тебя выслушать. Ты знаешь это.

Алекс уходит на кухню, а я остаюсь сидеть в кровати. Сама не замечаю, как вырывается вздох облегчения. Пусть небольшая, но отсрочка. Надо хотя бы нормально одеться, а не валяться в постели без трусов. Потираю ягодицы, которые до сих пор отдают жаром и ноют, но уже приятной болью и одеваюсь. Успокоение приходит не сразу, потихоньку. Главный шаг уже сделан – я начала разговор. Теперь главное не дать заднюю. Да даже если захочу соврать, Алекс не даст. Он чувствует меня лучше, чем я сама.

– Пей маленькими глоточками, горячо, – Алекс протягивает бокал с ромашковым чаем. Стоит рядом и терпеливо ждет, пока я допью хотя бы пол бокала.

Закрадывается крамольная мысль: а может, ну его? Ну не прилетит же Егор на самом деле сюда?

А завещание? Плевать. Никогда не мечтала стать наследницей состояния, не умела пользоваться благами, которые мне полагаются и даже поперлась как-то работать официанткой в бар, чтобы держать деньги, заработанные собственными руками. Конечно, это продолжалось очень недолго – отцу очень быстро настучали его же псы о том, где пропадает дочь вместо того, чтобы готовиться к поступлению в колледж.

Так не хочется терять ощущение вот такого счастья, что я все же решаюсь идти на попятную. Алекс уже пару раз ободряющими касаниями пальцев показал, что готов выслушать меня. Пока я пила чай, мне удавалось игнорировать его приглашения к разговору. Но невозможно бесконечно тянуть, пора бы, пора... Я никогда не лгала Алексу. Как же сложно...

– Давай, девочка, что тебя тревожит, рассказывай.

Теперь сложно не только говорить, но даже поднять глаза. Он никогда не простит ложь. И это будет уже совсем другое расставание.

Храбрюсь, поднимая взгляд, смотрю прямо в глаза и... выпаливаю самую тупую фразу на свете:

– Я тебя люблю...

Глава 6.

Вот что я ожидала, произнося эти слова? Ну точно не ответное «Малыш, я тебя тоже». Правила обозначены давно. Мы нужны друг другу. Полагаю, Алекс мне нужен больше, чем я ему. Но это не про любовь. Это не может быть любовью. Ляпнуть про чувства, только чтобы не говорить про настойчивое приглашение Егора, потому что струсил, потому что отчетливо почувствовала, что если поеду – обратной дороги не будет, и Алекса тоже не будет – как глупо!

Так глупо, что хочется спрятаться, а главное – быстрее спрятать глаза. Но вместо этого смотрю – прямо в глубину его глаз.

– А ты, Лика, храбрая девочка.

В горле сухо. Голос начинает подводить. Перед тем, как произнести фразу, приходится сглатывать слюну.

– П-почему?

Я действительно не понимаю почему. Разве такая должна была быть реакция?

А какая должна была?

Алекс способен на понимание. Он понимает меня лучше, чем я себя. Алекс бесконечно заботлив. Да, строг, иногда до страшного строг, но это тоже обратная сторона его заботы. А любовь... обычно-ванильная точно не про него.

Наверное, я должна была извиниться, одеться и уйти. А ударилась в расспросы. Зачем? Чтобы еще дольше продлить свою агонию?

Алекс мягко берет мой подбородок и проводит по нему пальцами. Зачем? Я и так на него смотрю, как кролик, которого сейчас проглотит змея.

– Так что ты хотела сказать мне *на самом деле*?

Я сейчас честно завидую кроликам, которым не надо ничего отвечать. Змея их молча глотает и переваривает. Я не против такого варианта. Вот на данный момент – точно не против.

Только Алекс не глотает. Я не знаю, как это происходит, но за пару секунд он становится другим – холодным, жестким, равнодушным, наказывающим. От одного голоса по моей спине стекает капелька пота, а ведь он даже не ругается и не угрожает:

– Лика, ты мне расскажешь, что ты хотела сказать *на самом деле*?

Начинаю ненавидеть себя за то, что обмякла. В чем проблема сказать: «Прости, я улетаю на Родину на неопределенное время. Пожалуйста, дождись меня, не бросай меня. Ты мне нужен»? Однако проблема есть. Алекс не будет ждать. Мы никогда не давали друг другу ни клятву верности, ни каких-либо обещаний.

В голосе Алекса я слышу ноты нетерпения. Но молчу. Молчу, потому что всю ответственность за ситуацию переложила на Алекса. Как он решит – так и будет. Выгонит за обман и недоверие – так тому и быть. Приду к себе, поплачу-повою, соберу вещи и уеду домой.

А обнимет и прижмет к себе... – все равно как прежде не будет. Потому что изначально был договор о доверии.

– Лика... я ведь не убрал ремень далеко, тебе было мало сегодня?

Вот теперь я точно и отчетливо слышу угрозы в голосе Алекса, и что не шутит – тоже знаю. Только на этот раз не будет последующей заботы, он не пожалеет, не обнимет. Потому что между нами будет – ложь.

А я так не могу.

Только представляю, как я остаюсь одна с болью, сердце начинает заходиться, полной грудью не могу вздохнуть. И как я ненавижу себя в эту минуту, почти как Егора с его телефонными звонками и сообщениями. Хочу дотянуться до Алекса хотя бы пальчиками, только чтобы знать, что он тут, рядом, со мной, но... натыкаюсь на лютый холод.

Грудь сдавливает тисками. Комната начинает плыть. Но я успеваю сказать:

– Папин помощник...его телохранитель... он звонит... пишет... Мне надо поехать туда...

Чувствую руку Алекса, он слегка сжимает мою ладонь. Его ободрение придает силы, мир снова становится устойчивым. И я делюсь с главным своим страхом:

– Но это будет не на десять дней как тогда, когда я уезжала на похороны. Боюсь, будет намного дольше.

– Ты справишься...

– Без тебя?

– Без меня. Ты знала, мы знали, что играть по нашим правилам вечно не получится. Значит, пришла пора прекращать игру.

Мне не обидно, что Алекс называет наши отношения игрой. Это – правда. Это игра, которую мы создали. И где-то в глубине души я знала, что если всегда играть – получу лишь суррогат жизни.

Алекс чувствует, как в данный момент нужны его объятия, загребает в охапку, резко, жестко, напористо, как умеет только он. Тихонько ойкаю, так как резкие движения вызывают сладкую боль в отшлепанных ягодицах. Но сейчас даже ремень на стуле вызывает не страх, а грусть. Не будет больше ничего. Ни боли, ни сладкой ласки после нее. И я бы может слегка, а может, и не слегка погрузилась в пучину горести и утраты чего-то важного, но Алекс зарывается в мои волосы и необычным для него тихим голосом шепчет:

– Было сладко слышать от тебя слова «Я люблю тебя», даже если мы оба точно знали, что это ложь. Моя девочка, иди в жизнь, прекращай играть. Если будут серьезные проблемы – я к твоим услугам. Но играть мы больше не будем, Лика.

БОНУС

Дорогие читатели!

Лика находится на перекрестке своей судьбы.

Когда точно знаешь, что твой выбор изменит твою жизнь до неузнаваемости.

Когда точно знаешь, выбор – означает отказаться от чего-то ценного в прошлом.

И оно даже пока еще даже не совсем прошлое, оно пока балансирует на гранях времени – то ли прошлое, то ли настоящее.

Прошлое – как теплое одеяло в зимнюю пору, укутывает, убаюкивает, не отпускает, пусть там есть свои странные правила игры – именно они помогали Лике справляться с собственными кошмарами.

Настоящее – как ведро холодной воды после бани. Может быть, оно и лучше, полезнее, правильное, но ... страшно.

Лике очень страшно вернуться туда, откуда начались ее кошмары.

Пока она еще не может знать, вернутся ли старые или их сменят новые кошмары – пусть, пока незнание ей во благо.

НО:

Билет на самолет уже куплен. Можно проспать рейс, можно сдать билет, можно... но
БИЛЕТ НА БУДУЩЕЕ УЖЕ КУПЛЕН.

В отличие от Лики у нас есть возможность всего лишь одним глазком взглянуть на ее будущее. Арт совсем немного позволит нам это сделать:

Буду рада, если вы в комментариях поддержите Лику. Спасибо!

Глава 7.

Легкая курточка, теплые штаны, спортивная сумка – моя подготовка к отъезду не занимает много времени. Билет заказан онлайн.

Еще совсем немного времени я могу позволить себе побыть слабой, во всем полагающейся на Алекса хрупкой девушкой – он все ж отменил все свои дела на сегодня, чтобы проводить меня. Алекс не мог поступить иначе. Еще с вечера он строго-заботливо расспрашивал, все ли я положила, куда я еду, во сколько посадка, кто меня встретит, когда планирую обратно...

На половину вопросов у меня ответов не было.

Зато была вселенская грусть.

Еду туда, где никто меня не ждет, Егор – не в счет, я ему нужна для каких-то дел, для каких – он посчитал себя вправе не отчитываться и не ставить меня в известность. Зато, судя по бесконечным звонкам, требовал немедленного прибытия. Полагаю, это как-то связано с завещанием отца. До его официального оглашения есть два месяца, а значит, согласно моей логике или интуиции, как минимум столько времени я буду находиться в этом городишке.

Я бы хотела жить в не слишком шикарном отеле в трех шагах от нашего особняка – но, естественно, буду жить в доме отца. Называть его своим домом не хотелось. Дом – это где тепло и уютно, где тебя ждут. Смутные воспоминания об уюте иногда прорывались сквозь толщину лет, которые сделали все, чтобы я забыла это трепетно-теплое чувство.

Наверное, уют – это запах булочек с маком и корицей. Он едва уловимый, почти забытый и ускользающий из памяти с каждым прожитым днем. Уже лишь одна маленькая нота аромата притягивает к себе, к ней примешивается смех родного человека, но и он уже почти не слышен.

Поверх этих воспоминаний наложены другие, страшные. Это уже не смех, а какой-то шепот, описать который очень сложно. Он иррационален, он ненормален. Но он приходит, проникает в мою комнату и зловеще напоминает:

– Надо спасаться, Лика, нас хотят убить. Твой отец хочет нас убить...

Может, то был просто детский кошмар? Просто нормальные дети боятся монстров под кроватями, а я... вот такого вот шепота.

Страшное всегда резче, глубже оставляет след. Поэтому чувство страха сохранилось в душе более или менее ярко и я и при жизни как могла сторонилась отца.

Даже приехав на похороны отца, я дома старалась быть как можно реже. Благо, тогда я могла позволить себе ночевать в отеле, подавая это под соусом печали и скорби по поводу утраты близкого человека. На самом деле я горевала мало, ненормально мало. И даже с каким-то иступлением про себя повторяла:

– Ты же хотел сильную дочь, вот она я, папа.

Словно мстила за то, что заставлял быть сильной. Мстила мертвому, потому что с живым с ним мне было бы не тягаться.

Похороны кстати были яркие, пышные как того заслуживал отец. Наверное, заслуживал. Он хорошо разбирался в жизни, в людях. Умел находить себе верных помощников. Егор так вовсе верным псом был. Кстати, вот его-то на похоронах не было, понятия не имею почему.

Мое участие тоже было минимальным, я принимала соболезнования, отвечала, общалась с местными журналистами. А кто был главным организатором – так и не узнала. Скорее всего, все было предусмотрительно запланировано и даже оплачено отцом заранее.

...У меня есть несколько минут еще здесь, сегодня, в аэропорту, чтобы побыть слабой, зависимой, хрупкой. А потом самолет доставит туда, где слабость не прощается. И Алекс – как всегда! – отлично меня понимал. Строгий взгляд, от которого я млела и тут же собирала себя в состояние взрослого человека, не позволял совсем растечься лужицей и предаться тихой исте-

рике, хотя, что тут скрывать, хотелось. Крепкая ладонь, что сжимала мою руку, успокаивала, убаюкивала мой внутренний ураган.

– Мне страшно, – шепчу ему.

– Ты сильная, – отвечает Алекс, от чего кривлюсь. Самое ненавистное слово, самый ужасный комплимент.

Потому что все годы рядом с отцом я имела право быть только сильной. Когда мои подруги играли в куклы, прыгали на кроватях, устраивали пижамные вечеринки и дрались подушками, я училась быть сильной и выносливой. Спорт, режим, дисциплина – это три кита, три основы, на чем строилось мое детство, и я их ненавидела. Ненавидела так, что отцовское воспитание прошло практически даром.

Тогда мое спасение было близко – на расстоянии чуть дальше вытянутой руки. Но рука дрожала, и я не смогла, я даже не попыталась схватить нож, чтобы воткнуть его в сердце или пырнуть в живот тех ублюдков, что посягали на мою честь. Как животное на заклании, я молча терпела все, что они вытворяли – не со мной, а с моим телом. Меня, моей души словно не было в этот момент. Я как будто бы просто молча смотрела со стороны на разыгрывающуюся в моей жизни кошмарную трагедию, чтобы потом вновь и вновь вспоминать эти грязные картины и убеждаться: я не достойна жалости.

Глава 8.

Вопреки ожиданиям, родной город встретил довольно приветливо. От аэропорта до нашего городка езды минут сорок, и все эти минуты я впитывала в свое сердце скромные краски природы, едва начинавшие забываться и вновь пробудившиеся воспоминания и прислушивалась к собственным ощущениям. Прислушиваться к себе – этому я тоже научилась за последние пару лет, начитавшись научно-прикладных книг по психологии.

– Учитесь отслеживать свои эмоции и ощущения в теле. Ваш мозг может вас же обмануть, даже эмоции могут обмануть, но тело не обманет – всегда слушайте ваше тело, – наш преподаватель по психологии в колледже не раз повторяла на лекции, словно прописную истину, эти слова.

И вот сейчас я весьма отчетливо обнаруживала у себя разнобой.

Как бы я не хорохорилась, что не хочу возвращаться в родной край, единственной ассоциацией с которым являлся страх, что-то теплое шевелилось в душе.

Начало апреля встретило меня не буйством красок, а еще достаточно холодным ветром; освободившейся от снега, но еще не покрытой зеленым ковром землей; небом, жаждущим освободиться от покрывших ее темных свинцовых туч и торжествующим, едва лучам солнца удавалось пробиться сквозь них и одарить мир своим добрым теплом, и тут же вновь оказывающейся во власти мрачных сил. Не совсем романтично, да и я не герой литературы эпохи романтизма, чтобы мое мироощущение составляло тандем с природой. Я, скорее, блудный сын, простите, дочь, а может, даже похуже. Тот вернулся в отчий дом по собственной воле, правда, когда жизнь прижала хвост, но по собственной, а я – почти по принуждению.

И все равно даже вот такая природа за окном пробуждала какие-то приятные чувства, которым очень сложно было придумать название в одно слово. Наверное, все-таки удовольствие, радость. Радость от того, что все это – мое, родное, и оно – вот, рядом бери, трогай, ощущай.

Что касается языка тела, оно вот этой вот радости не разделяло вообще. Наоборот, живот скручивало, будто хотелось в туалет, а в горле сидело неприятное чувство, похожее на тошноту. Мне даже на секунду подумалось, что я где-то траванулась, но стоило подумать об Алексе, о своей квартире в Лондоне, как все симптомы отравления резко уменьшались.

Вздыхнув, я решила, что пора набрать тех немногочисленных людей, которым стоило узнать о моем приезде.

Теплое «Добрый день, Алекс. Я приехала. Еду в такси до дома отца. Спасибо, что проводил. Всегда жду и скучаю. Твоя Лика» Алексу.

Короткое «Привет. Я приехала» Егору.

Чуть длиннее было сообщение для брата. Сводного.

Последние два сообщения были проигнорированы, вернее, их пока не прочитали.

А Алекс... Я знала, что такое выходящее за рамки дружеских нот сообщение его не обрадует, но позволила себе такую выходку. Возможно, потому что он далеко, и при все желании не сможет отчитать и наказать за нарушение устной договоренности о наших отношениях. А возможно, потому что очень хотелось тепла, и он был единственным, кто мог бы мне его дать.

Но в моем мире для меня тепла не было.

Ни дома.

Ни на улице.

Ни в сообщениях.

Было только предчувствие хаоса. Оно еще больше холодило и играло на нервах, словно мелкий комар, невесть где жужжащий, когда ты пытаешься уснуть.

Глава 9.

Егор

– Алло, слушаю, – говорю, прижимая телефон плечом к правому уху, одновременно хватая чистое полотенце и спеша в душ.

– Привет, дружище, просыпаешь свой выходной? Думаю, дай разбуджу тебя.

Оказывается разбудить меня в 9 утра решил Тимур.

Ну да, у меня же куча свободного времени, чтобы спать до обеда, но Тимур это не объяснить, он и в рабочее время просыпается с трудом и частенько опаздывает. Местный харизматичный раздолбай в нашей компании. Скорее всего, это он еще только стянул с себя одеяло, чмокнул очередную блондинку или рыжую в своей постели и потянулся за телефоном. Я же в настоящий момент успел потягать железо после небольшой кардионагрузки и мечтал попасть в душевую кабину смыть пот и дать расслабиться мышцам, а не трепаться попусту.

– Так, я прям вижу твои раздувающиеся ноздри, Сычев, не трачу твое драгоценное время, сходу скажу: не просто поболтать звоню. Давай в баню с нами. База отдыха «Улитка», пара десятков километра с выезда из города, ну ты знаешь. Я скоро буду там.

М-да. Вообще-то неплохое предложение. Потому что неопределенность в последние недели упорно давила на нервы, а баня и березовые веники определенно имеют целебное воздействие на тело и душу.

– Думаю, соглашусь, Тим. Выеду через час, через полтора буду на месте. Завтра – на объекте, так что я без алкоголя и тебе советую так же.

Знаю, что Тимур не любит мои нравоучения, почти так же, как и я его подколы, поэтому нажимаю «отбой» и иду в душ и завтракать.

Несмотря на название, «Улитка» была местом, где обслуживали быстро, дома А-конструкции выглядели презентабельно, бани рядом с домами отличались чистотой и комфортом, для шашлыков все было в наличии.

Вопреки моей просьбе, Тимур захватил и коньяк, и вискарь.

– Тише, тише, – улыбается он, видя мой недовольный взгляд. – Тебе никто не предлагает. Скоро Вадим и Кир подъедут. Они не такие зануды, как ты. Работа у него! – насмешливо качает головой друган, с которым мы знакомы почти со школьной скамьи.

Пока ждали Вадима и Кира, Тим опрокинул в себя немного виски и закусил копченым мясом. Заходим в парную, пока он совсем не опьянел.

– Ты зачем Марианну-то обидел? – спрашивает Тимур, с наслаждением подставляя спину под веники.

– Я ее не обижал. Она прекрасно знала мое отношение к женщинам, прекрасно знала, что рано или поздно будет именно такой финал.

Спина Тима красная, он кряхтит от удовольствия. Но, в идею, выпитое спиртное так и толкает «на поболтать».

– Не-ет, она поверила, что у вас особые отношения, что ты ее любишь. Не, последнее, конечно, громко сказано, но девочка поверила, что ты ее ценишь, что она тебе нравится.

Не вставляю ответные реплики, на трезвую голову Тиму и в голову не пришло бы обсуждать наших баб. А так – пусть говорит, что взять с человека, когда вместо него говорит не мозг, а выпитый виски.

– Такая женщина! – мечтательно произносит Тимур. – Мечта, а не Марианна! Я б на руках носил, каждый день кофе в постель приносил, серенады бы пел...

– Не все женщины такое любят, – хмыкаю, не удержавшись в ответ.

– А что любят? Деньги?

– Некоторые – да, а некоторые твердую мужскую руку и надежное мужское плечо, а не хлюпика с миллионом алых роз и рукой, что тяжелее кисточки не поднимала. Давай-ка дружище, с тебя хватит, был бы трезвым, я б еще раз прошелся по твоей спине.

Выхожу из парной вслед за Тимуром, подталкиваю в нужном направлении, дергаю за веревку и наслаждаюсь ором друга, которого окатило ледяной волной.

– С-сука ты, – беззлобно улыбается друг. – Я аж протрезвел.

Пока мы вытираемся, разводим костер в мангале, приезжают Вадим и Кир и еще один малый, кого прихватили, видимо, в последнюю минуту. Приятная компания. Не могу назвать себя душой вечеринок и посиделок, всегда был слишком диковат и угрюм для этого, но в этой компании именно душа отдыхала. Я даже про время забываю и хватаюсь за телефон, только когда часы показывают шестой час.

«Привет. Я приехала» – сообщает номер, которому я уже устал долбить в последние недели: давно привык, что мне отвечают сразу и выполняют сказанное гораздо быстрее.

Эта девочка умеет играть на нервах. Даже сейчас я будто чувствовал усмешку в сообщении. Три слова. Она соизволила написать три слова! Никаких расспросов про компанию отца, ничего про его могилу, только равнодушное «Я приехала». Холодная бездушная тварь, неспособная на любовь, не приученная к уважению. Игнат Родионович мастерски скрывал свои эмоции – бизнес обязывал. А эта избалованная дрянь просто разучилась чувствовать.

Я трижды обливаюсь ведром холодной воды, чтобы остыть – изнутри остыть, сука, а не снаружи. Мне надо остыть, чтобы не напугать ее.

Собираюсь в город. Заеду домой к Игнату Родионовичу. Посмотрю в глаза этой твари. Оповещу о воле отца. Сделаю так, чтобы она согласилась на этот фиктивный брак. А потом я научу ее уважению и вежливому общению с людьми. У меня люди быстро учатся.

Глава 10.

Что-то меня триггерил в этой Лике, триггерил давно и надежно. Может, зависть? У нее с детства – шикарный дом, куча бабла, репетиторы какие пожелаешь, но главное – отец. Колоссальная разница, если сравнить с моим детством. Детский дом, пробел с мутными фрагментами-картинами вместо детства, бесконечная борьба за выживание и усвоенный урок – побеждает сильнейший. Сначала урок был усвоен в прямом его значении. Я учил прогрызть себе путь при помощи физической силы. Это возможно настолько, чтобы позволить себе хорошо питаться, снимать нормальную квартиру и хорошего спортивного тренера. Продвигаться дальше можно было только одним путем. Бои без правил.

– Ты должен быть мне благодарен за то, что даю тебе шанс. Крепких ребят хватает. Куча ребят крепче тебя, я *на них*могу поднять бабло, могу *им* дать путевку в жизнь – в лучшую жизнь, – уже не в первый раз подходил ко мне Сако.

Я мечтал стать как он. Вернее, нет, таким, как он стать я точно не хотел, а вот жить как он – в шикарном доме, отдыхать в лучших курортах на просторах нашей Родины – Сако не говорил почему, но он был невыездным – я бы хотел. Покая не давали слухи о том, что связываться с Сако – себе дороже. Потому и второй раз ответил:

– А чё на мне-то решили поднять деньги? Поднимайте себе на тех, кто крепче.

– Слышь, пацан, ты дерзить дерзи, но меру знай. Всякое в жизни, знаешь ли, случается с теми, кто обижает Сако. Даю тебе последний шанс. Вечером мои ребята отправят тебе адрес, приходи, посмотри, авось торкнет, что это твое, за ум возьмешься, жить как человек начнешь, – предупредил тогда Сако.

И я решился. Даже не было интересно, как ребята Сако нашли меня. Только они не только отправили адрес, а подъехали вечером на машине, адрес устно сказали, добавив: «Десять минут на сборы. Едешь с нами».

Клуб «Дикий Сако» был наполнен гулом голосов и запахом пота. Мерцающие огни, тени, танцующие на стенах, казались живыми. Зло казалось живым. Я взглянул на октагон. Пытался примерить ситуацию на себя. Смог бы я дать достойный отпор, стоя вот так же, в эпицентре ярости, подначиваемый криками толпы, жаждущей жестокости и крови? Согласился бы стать питательной средой, возвращающей зло? То, что в клубе Сако честность и честь – пустые, не наполненные смыслом слова – знали все. Зато Сако давал другое – крови и зрелищ.

Я наблюдал за поединком, который только начинал разворачиваться. Бойцы обменивались ударами, каждый звук отдавался в ушах, растекался по венам. Крики зрителей смешивались с хриплыми звуками дыхания бойцов. Толпа ревела, ликовала, хотя точно знала: один из бойцов выйдет из октагона на своих ногах, а второго вынесут, и хорошо, если будет оказана медицинская помощь. Здесь нет места жалости. В мире Сако нет жалости, нет сострадания, нет помощи к тем, кто слабее..

Хотел бы стать частью этого мира? Вряд ли. Слишком высока цена. Я, быть может, тоже не особо высокого мнения о своей жизни, но так дешево продавать ее не хочу.

Толпа взревела, когда второй боец схватил своего противника за шею и бросил его на землю. Удар о пол раздался как выстрел. Жестокий спектакль только-только разгорался. Пора было уходить.

– Не понравилось? – услышал я в этот момент.

– Не совсем мое. Передайте Сако, что я отказываюсь. Много чего наслышан, извините.

– Я спешил уходить, мне это место не понравилось и то, что сейчас кто-то из людей владельца клуба докапывается до моих предпочтений, серьезно действовало на нервы.

– Сам передай. Сако – слишком мелкая и очень неприятная птичка, чтобы я к нему с передачками ходил..

Оказалось, что мой неожиданный собеседник вовсе не человек Сако. Я с интересом взглянул на высокого мужчину, на вид он был старше меня лет на двадцать.

Свет искусственного факела осветил его лицо.

– Игнат Родионович, – протянул он мне свою руку. – Неприятное заведение, согласен. Пошли отсюда. У меня к тебе есть предложение иного характера.

Глава 11.

В дом Игната Родионовича я стал вхож далеко не сразу. Он умел угадывать людей, интуитивно чувствовал, кто достоин доверия, а кто крыса, но проверял всех. И я довольно долго, наверное, около года проходил эту проверку. Был мальчиком на побегушках, но учился. Он стал для меня неким маяком. Вот на кого я хотел быть похож. Про жену не спрашивал – тему, был предупрежден сразу. А мелкий неуклюжий, худой как щепка подросток-дочка вызывала скорее раздражение.

Мне казалось, она делает все назло отцу: опаздывала на завтраки и ужины, прогуливала школу, отвечала невпопад дорожным репетиторам, о которых я в ее возрасте даже мечтать не мог.

Правда, года через два-три, когда я уже был частым гостем в их доме и даже арендовал квартирку недалеко, убедился, что и эта будущая стерва умеет чувствовать и проявлять сочувствие. Я тогда пришел домой около восьми вечера. Она стояла возле моей квартиры, пряча что-то в куртке.

– Чего тебе?

– Вот, его зовут Малыш.

Она раскрыла куртку и оттуда показалась смешно-уродливая голова пищущего котенка.

– Мне он зачем? Или погладить принесла? Не люблю кошек, зря старалась.

Я разговаривал с ней нарочно грубо. Всегда. Потому что ее повадки, факт того, что не понимает какое это счастье иметь отца, который тебя любит – бесил невероятно.

– Его обижали хулиганы. Еле отобрала. И в ветеринарную клинику ездила с ним. Ему нужно тепло и покой.

Какая-то теплота относительно ее в груди шевельнулась, но это было очень, очень незаметное движение.

– Ну так неси к себе домой и обеспечь там покой. Да и вообще пора тебе с мальчиками встречаться, а не с блохастыми животными возиться.

Подозреваю, что я достаточно чувствительно уколол подростка насчет личной жизни, не было в ней никакого шарма, ни намека на харизму, чтобы мальчики пубертатного возраста зарились.

Но Лика сделала вид, что не слышала последние слова и ответила только на первую часть реплики:

– Папа... не разрешает.

– Не разрешает или даже не спрашивала?

– Я спрошу. Потом. И Малыша от тебя заберу.

– Опять поругались?

Молчит.

Ясно все. Отец на работе целыми днями. Эта дура вместо поддержки опять какую-то пакость сделала и не хочет разговаривать с отцом. В последний год Игнат Родионович звал меня иногда на ужины, и я знал, как Лика умела просто на отлично испортить всем настроение. Мне было жутко неудобно за Игната Родионовича, руки чесались, как хотелось отвести за ухо куда-то на чердак, снять ремень и доходчиво объяснить правила этикета. Только Игнат Родионович словно был высечен из камня и никак не реагировал, и только если она переходила все мыслимые границы, отсылал ее в свою комнату и не разрешал выходить до следующего дня.

«Она растет без матери, да и хорошо, что без нее, там такая наследственность, мама не горюй; в доме нет женщины, если не считать приходящей домработницы, что ты мне прикажешь – бить ее еще? Подростковый возраст – перебесится, сама все поймет», – сказал он мне однажды, безошибочно прочитав все мои мысли по лицу.

Сейчас, с котенком в руках Лика была другой. То ли маску сняла, то ли наоборот – надела.
– Кошака оставляй. Присмотрю.

– Спасибо. Я ... корм купила и лоток.

Зараза, знала, что соглашусь? Или еще к кому собиралась обращаться?

– Всё? Иди тогда. Отцу привет передавай.

Мнётся, затем добавляет:

– Можно... я завтра к Малышу приду? На пять минут?

– Помиришь с отцом, Лика, потом придешь. Извинись перед ним, веди себя как нормальная девочка.

Словно ветер подул. Вмиг маска исчезла. Вернулась та противная Лика.

Приходила ли она потом к Малышу? Конечно. Стояла возле дверей. Ждала, когда я приду. Пару раз между нами состоялся нехитрый диалог.

– Помирились?

– Ты ... ты его не знаешь. Он страшный человек. Я ... уйду из дома, как только мне исполнится 18.

– Ты знаешь ответ. Нет между вами мира – нет Малыша.

А потом я на свою голову решил проверить, посмеет ли она зайти ко мне домой, если я «забуду» ключ, да и порадовать девчонку свиданием с ее Малышом захотелось.

Порадовал. Больше я ее вообще не видел возле своего дома. Лика воспользовалась моментом и сделала дубликат ключей. Подозревать неладное я начал только через неделю, а потом убедился воочию. Это, конечно, было очень трогательно, только девочка наступила на порог вседозволенности. И мы с ней очень мило поболтали. Так, что она вообще ко мне на глаза попадаться больше не решалась, а когда на их семейном ужине присутствовал я, вела себя как положено – как маленькая сопля, которая в жизни ничего еще не добилась, живет на денежки папеньки и потому ведет себя так, чтобы никого не раздражать.

Когда отношения с отцом снова обрели видимость нормальных, Малыш начал жить в их доме. Впрочем, мне там доводилось бывать довольно часто и потому прекрасно видел, как они оба меняются далеко не в лучшую сторону. Малыш превращался в шkodливого наглого кота, а Лика – в бездушную суку, которая практически совсем разорвала отношения с отцом вскоре после своего восемнадцатилетия.

Вот на ком должен был я жениться до оглашения завещания.

Глава 12.

– Привет, – достаточно миролюбиво встречает меня Лика. Черные велосипедки обтягивают задницу, короткая футболка при движении позволяет увидеть полоску обнаженного живота. Наверное, зря обидел Марианну, если мозг начинает подмечать такие детали. Хотя, несомненно, Лика стала выглядеть сочнее, лицо уже не такое заостренное и глаза не выделяются огромными шарами в пол-лица. Не знай я ее характер, можно было бы назвать симпатичной.

– Привет, я зайду? – тоже достаточно осторожно и вежливо интересуюсь.

Пока что осторожно и *пока что* вежливо.

Лика действительно держится дружелюбно, но кажется, ей неудобно видеть меня здесь. Скорее всего, хочет, чтобы я поскорее ушел. Да и было бы удивительно, если б встретила с распростертыми объятиями.

– Я поздно увидел твое сообщение. Надеюсь, ничего страшного, что не встретил тебя в аэропорту?

– Нет, нет, что вы Егор, конечно, нет!

Надо же, мы оказываемся на «вы».

– Предлагаю оставить все как в старые дружные времена, я имею в виду, обращение на «ты». Идет? Как на Родине? Скучала?

– Егор, я ... прости, не совсем понимаю цель вашего... твоего визита. Нам действительно надо вот так говорить по душам? Нет, мне не сложно, но... Я тоже... как бы устала немного. Хотела пораньше лечь спать. А давайте, я заварю нам чай с травами, будет хоть какая польза от нашей встречи: и вы чай попьете, и мне не так скучно. А дальше мы разойдемся и не будем друг другу мешать.

Надо же, Лика уже почувствовала себя хозяйкой ситуацией. Однако ж, заграница меняет людей! «Мы разойдемся и не будем друг другу мешать» – не могу представить, чтобы прежняя Лика смела заявлять такое. Вернее, могла в порыве своего подросткового гнева, например, но вот так, вежливо, холодно, будто отрезая общение на годы вперед – нет, такое мне было бы сложно вообразить. Что ж, поднаторела девушка, стала не просто сукой, а вежливой, холодной, циничной Сукой с большой буквы.

– Лика, боюсь «не мешать друг другу» у нас не получится. Именно поэтому я и хотел, чтобы ты как можно быстрее прилетела в родной город.

– Понимаю, завещание, все такое. Я завтра же пойду к нотариусу. Обещаю, Егор! Понимаю, отец беспокоился обо мне, вы, как верный помощник, сочли нужным мне помочь, взять все под ваш контроль, все такое, но...

– "Ты"... на "ты", Лика, мы же договорились. Не думаю, что выкатать в нашей ситуации будет уместно. Наоборот, мы, как бы тебе подходчивее объяснить, наоборот, должны быть ближе друг к другу.

Как бы Лика не хотела, чтобы я ушел, прохожу внутрь дома, который не был запущен, будто и не пустовал почти пол года.

– Кстати, ты заметила, что к твоему приезду, о котором ты соизволила предупредить день в день, дома чисто, и в холодильнике и в шкафчиках есть варенье, консервы, соль, специи, конфеты?

– А? Да, спасибо, заметила, это тоже ты, Егор постарался?

– Я? Нет. А вот твой отец – постарался. Наверное, сначала жил надеждой, что перед смертью увидит тебя, обнимет. Потом – в надежде, что ты рано или поздно вернешься в отчий дом, распорядился, чтобы раз в неделю дом прибирался, и в доме всегда были продукты и

конфеты. Понимаешь? Он надеялся, что ты вернешься и почувствуешь, что это – твоя родина, что это – твой дом, что рядом – родные могилы.

Я внимательно смотрел на Лику. Не хотел пропустить ни одной эмоции, ни одного, даже еле заметного движения души.

Но их не было. Я не ждал слез. Но даже ни один мускул не дрогнул. Только холодный бездушный взгляд. И тупой ляп:

– Очень мило. Я просто не люблю конфеты.

Сука! Не любит! Да она тырила эти конфеты с вазочки нещадно, а Игнат Родионович делал вид, что не видит. Да речь вообще не о конфетах.

Я уже сам готов был проклясть Игната Родионовича, потому что мысль о том, чтобы жениться на этой твари, делить с ней постель, совместные завтраки и ужины вызывало что-то сродни омерзению. Пора было прекращать этот противный цирк.

– А давай-ка мы с тобой, Лика, поговорим как взрослые люди...

Глава 13.

Лика почти хорошо владеет эмоциями, по крайней мере старается. Например, сейчас она достаточно вежливо произносит:

– Да, конечно, проходите, Егор.

Что-то заставляет меня внимательно следить за ее интонацией. Девочка определенно вызывает интерес. Только пока сложно понять, к добру это или нет. Определенно, Лондон пошел ей на пользу. Вежливо-холодный этикет она знает на отлично. Но хотелось бы чего-то теплого, пусть злого, пусть недовольного, пусть бы начала ругаться за мою явку к ней в дом, тем более особую радость от созерцания моего лица она явно не испытывает.

– А разговор у нас действительно взрослый, Лика.

Отпиваю глоток чая, который она приготовила и себе, и мне. Вазочки с теми самыми конфетами на столе, вишневое варенье – вполне себе милая картина.

Лика не блефовала и действительно к конфетам не притрагивается. Маленькие глоточки чая, варенье на кончике десертной ложечки – всё.

– Лика, ты следишь за фигурой?

Вопрос будто бы застает ее врасплох. То, что он оказался более чем неожиданным выдает только резко дернувшаяся вниз по пути в ее ротик ложечка.

– Да. Нет. То есть все в пределах разумного.

– Раньше ты за стол не успевала садиться, тащила первым делом в рот вот эти конфеты. И только потом принималась за ужин. А сейчас даже с чаем не ешь.

– Думаю, не стоит сравнивать меня-подростка и меня-взрослую. Вы не находите?

Лика снова переходит на «вы». Я уже понял, что это признак того, что вопрос неприятен, потому даже не поправляю.

Лика берет сразу две конфеты, раскрывает фантик и сует мне в руку.

– Ешьте. Вы ж наверняка любили их, раз так внимательно следили за ними в моем детстве. Или следили за мной. Может, завидовали? Может, хотелось такого же папочку? Такой же дом? Столько же денег?

Сука? Еще какая! Провоцирует на ссору, чтобы избавиться от моего присутствия, показывает коготки. Браво, такую малышку-Лику я не знал. Но ее последние слова не способствуют благоприятному восприятию новости о нашем предстоящем браке.

– Я не ем конфеты, Лика. – Сую обратно ей в руку начавшие таять от тепла шоколадные батончики. – А еще никогда не зарился на чужие деньги. Еще я каждый день встаю в семь утра, люблю плотные завтраки, на выходные иногда езжу на рыбалку, по дому умею делать практически все, любимый цвет – синий, переходящий в черный. Мой день рождения – 22 августа.

– Очень интересно. Мне также рассказать о себе?

– Если считаешь нужным. И тогда я обязательно учту все, что ты скажешь. Например, если скажешь, что обожаешь ромашки, буду дарить тебе целую охапку ромашек даже в феврале. А если серьезно, – перехожу я к главному вопросу, – согласно завещанию твоего отца, мы должны заключить брак. В ближайшее время. И тогда наследство останется при тебе. Повторюсь, такова воля твоего отца. Я к этому не имею ни малейшего отношения.

В глазах Лики промелькнуло что-то злое, отчаянно-злое, но это была всего лишь вспышка. Дальше эмоции сразу утихли. Но слова были произнесены четко, сухо, внятно:

– Я ненавижу ромашки. Предпочитаю не завтракать дома. Любимый цвет – черный. Спать в своей постели люблю одна, точно также как терпеть не могу дома посторонних людей. Достаточно информативно, Егор?

– Более чем. Но все ж за ответом зайду через пару дней. Спасибо за чай, Лика.

Наш разговор мне не понравился. Лика не то, чтобы меня раньше любила, но относилась с каким-никаким почтением, словно бы признавая старшинство, что ли. Долбанные метаморфозы в ней мне не нравились абсолютно.

Уснуть у меня получилось только к рассвету и я, отменив все свои дела, поехал на кладбище к Игнату Родионовичу. Была у меня привычка приезжать сюда, когда сердце жгло или наоборот, все внутри пустотой наполнялось. Обычно я приносил цветы и говорил. Говорил иногда мысленно, иногда вслух.

На этот раз между нами было молчание. Что мне было сказать человеку, который всю жизнь только то и делал, что работал и воспитывал дочь? Что она даже не заикнулась о нем? Что передо мной стояла сука без сердца и эмоций? Что прежняя Лика доставала до печенок так, что хотелось ее отчитать и выпороть, а к этой... даже прикасаться мерзко?

Не знаю, слышал ли мои мысли Игнат Родионович там, на небесах, но впервые мне было по-настоящему жаль его. Только я знал, что Лика была смыслом его жизни. Его компания, дома, акции – все было для Лики, для ее счастливого будущего.

И, быть может, я бы даже понял ее, попытался бы понять, если бы она не только об отце не говорила. Произошло там что-то между ними, то, что знали только они, сильная обида съедала любовь к отцу, уступая место почти ненависти – попытаюсь понять, могу даже при ее желании помочь. Уверен, что выяснилось бы, что Игнат Родионович не такой монстр, каким она его себе нарисовала.

Но ведь она даже о Малыше не спросила!

Глава 14.

Основы психологии я знаю. Что-то учил, читал, что-то зашло во время работы, в которой уметь считывать и предугадывать эмоции других являлось одной из составляющих успеха. Поэтому прекрасно понимаю, что со мной творится. Разобраться с Ликой, заключить фиктивный брак, продержаться год-два, мирно разойтись – вполне нормальный план действий, и мне было жизненно важно его осуществить по одной единственной причине – ради памяти Игната Родионовича.

Все происходящее я воспринимаю как нечто личностно значимое по этой же причине – Игнат Родионович был самым близким мне человеком.

Если бы его дочь была хоть толику похожа на него! Как можно жить с той, к кому испытываешь неприязнь. Притом раньше эта неприязнь была другого характера: царапала нервы, задевала за живое, требовала подчинить ее, но инструментов для этого (психологических, разумеется) не было. Теперь... мерзость. Это впервые увидев ее мой организм отреагировал чуть странно, словно на желанную женщину, теперь, воспринимая ее только как противного жука, которому неведомо чувство благодарности, родства, даже давить не хотелось. Так, пнуть ботинком, чтобы наши пути никогда не пересекались.

Вместо этого я должен искать пути брачного воссоединения. Смешно, ей-Богу.

Нельзя так насиловать себя. Вредно для здоровья. Надо бы уйти подальше и все. Воспринимать ситуацию хладнокровно. Я даже попытался объяснить это Игнату Родионовичу тогда, на кладбище. Ни хера не получилось, естественно. Чувство долга и все такое...

Поэтому позвонил Лике, обещал прийти к шести, купил охапку ее нелюбимых ромашек – пусть будет маленькая месть с моей стороны – и позвонил в дверь.

– Егор, проходи, я поставила чайник, скоро закипит.

Вот она – Лика, приподносящая сюрпризы, встречает, будто родного. Вживается в роль? Все-таки поняла, что без папочкиных денег никуда? То-то!

Мы пьем чай, на минутку даже перед глазами вспыхивают картины прошлого. Кажется, Ликин отец вышел только на минутку и сейчас вернется.

– Лика, вспоминаешь об отце?

Ей не нравится вопрос. Но она не перечит. Просто мило уходит от ответа.

– Мне тоже кажется, что он скоро вернется. И одной в большом доме тоже как-то страшновато. В Лондоне я не привыкла к роскоши. А здесь... все слишком большое, богатое, холодное.

– В нашу прошлую встречу ты говорила, что не терпишь в доме чужих людей...

– Но как оказалось, мы не чужие. Ты вроде бы на свадьбу намекал.

Было бы грубостью подчеркнуть, что свадьба фиктивная, поэтому мягко поправляю:

– Свадьба-не свадьба, но расписаться мы должны.

– Я согласна.

Я согласна? Вот так просто? С удивлением отмечаю, что испытываю нечто вроде разочарования.

Вообще происходящее вызывает ощущение нереальности. Не так должна была говорить Лика. Не так я должен был приходить сюда. Не для таких фиктивных игр я служил Игнату Родионовичу.

Все не так.

Все неправильно.

Несмотря на то, что все было уютно, тепло, даже мило, где-то в глубие луши и сознания обстановка воспринималось мной как удручающая. Так бывает, когда ты охраняешь клиента, и

на первый взгляд все безопасно, все под контролем, и только внутренний голос говорит, что вы – под прицелом. И срочно надо искать врага, потому что он – близко.

– А мне надо подумать... - бросаю я слова почти на автомате. Что это? На что я хотел спровоцировать Лику? Не знаю, но наблюдаю за ней.

– Егор! – голос Лики резок, недоволен. – Ты говорил, что разговор для взрослых. Что за детский сад?

– Кстати, о детском саде. А ты случаем не стырила мои ключи и не сделала дубликат?

– С чего бы мне это делать интересно?

– Не знаю, может, Малыша хотела увидеть. Я его кстати еле нашел после смерти Игната Родионовича.

Ей плевать. Ей абсолютно плевать на Малыша. Это так внятно читается на ее лице. Я верю, что ей на отца похрен, но Малыша-то она любила, он-то ей ничего не сделал. Тогда, подростком она переступила через себя, сделала немыслимое, чтобы только видеть его. А сейчас делает вид, что забыла про случай с ключами?

– Я бы никогда не стала бы воровать твои ключи только чтобы увидеть кота.

– Кошку, – поправляю я ее. Просто хочу проверить одну теорию, которая забралась в мою голову вот только-только.

– Ну да, кошку, – соглашается Лика, проглотив наживку. И нервно кусая губы направляется в сторону раковины. Только никакой Малыш не кошка, а наглый разжиревший кот. Поэтому в два счета оказываюсь прямо позади нее и, развернув к себе лицом, аккуратно хватаю за горло.

– Два вопроса. Отвечаешь честно и быстро – остаешься жива. Где Лика? И кто ты?

Глава 15.

Лика – не Лика, конечно, а та, которая хотела себя выдать за нее – инстинктивно пыталась ослабить хватку. Бесполезно. Поблажки только после того как выйдет на диалог.

А ведь неплохая актриса. Я поверил, мои аплодисменты! Жалко, что мы с Ликой редко виделись, тогда было бы гораздо сложнее провести меня. А сейчас – она просто попалась на Малыше.

– Мне еще раз повторить вопрос? – усиливаю хватку. Вот теперь точно в глазах плещется страх. Кивок головы в сторону – как знак «нет, не надо повторять». Отлично. Начинаем понимать друг друга.

– Я... меня зовут Света...

Моя хватка чуть ослабевает, давая возможность более спокойно дышать и говорить. Биография это артистки мне, конечно, не сдалась вообще, но раз девушка решила начать с подробностей – так тому и быть.

– Чутьочку быстрее, Света, тебе самой понравится исповедь, с каждым словом дышать станет легче. – Снова усиливаю хватку, наглядно демонстрируя, что только диалог открывает доступ к воздуху.

– Я.. не так уж много знаю. Он заплатил пол-лимона, сказал, работа не трудная, на пару месяцев. Просто надо немного изменить внешность, внимательно изучить сценарий и играть роль зажавшейся девчонки богатого папочки, с которым были нелады.

– Достойная оплата за достойный труд...

Света пытается выдавить из себя слезу:

– Вы не понимаете! У меня мама болеет, и сестренка одна...

– Давай по делу, – прерываю я ее. По роду своей профессии таких как Света я встречал часто. И все идут на преступления либо ложатся под тушку богатого извращенца исключительно, чтобы помочь родителям, сестрам или детям – прямо повально святые.

– Я не знаю, что говорить. Я мало что знаю. Клянусь вам! Я учусь в театральном. Просто однажды после занятий подошел мужчина, молодой, с очками, был в маске медицинской, поэтому внешность тоже точно описать не смогу. Мы виделись только пару раз. И всегда был в маске. Может после пандемии страх остался, откуда я знаю, какие у него причуды, поэтому сомнений никаких не возникло. Выглядит он лет на тридцать. Предложил заработать. Я подумала, что-то вроде аниматора, только для взрослых. Ну а что? У нас некоторые девочки так подрабатывали. Это ж не только детишки радости и сказки хотят. Богатые пожилые дяденьки тоже хотят поразвлечься с феей, Золушкой там. У каждого свои причуды...

– Не отвлекайся и не оправдывайся, Света. По делу.

На самом деле мои губы скривились от отвращения.

– Мы зашли в кафе. Он рассказал условия. Извините, конечно, но полмиллиона на дороге не валяются. Даже спать ни с кем не надо было.

– Как он представился?

– Майкл. Но это совершенно точно не его имя. Он русский. И акцента никакого не заметила.

– Цель, мотив поступков?

– Вы думаете, он мне заплатил пол-лимона, чтобы потом объяснять каждый свой поступок?

– Хорошо, верю, что не знаешь. Где Лика? Настоящая, разумеется? Любая информация о ней?

– Так я же говорю: он мне – бабки, я – исполняю все без вопросов.

– Как вы выходите на связь?

– Примерно раз в два дня он мне звонит. Номер не определяется.

– О моем предложении про фиктивный брак ты уже передала, так?

Света кивает головой, выражая положительный ответ.

– Итак, Света, давай рассуждать, что мы имеем. Начнем с тебя. У тебя непыльная работа, полмиллиона рублей. Ты не глупая девочка, и понимаешь, что соглашаясь на такие деньги и незаконные действия, практически подписываешься, что твоя жизнь ничего не стоит. В случае опасности тебя пристрелят первой или срок мотать на зоне тоже будешь ты.

Лицо Светы корчится, словно от боли, но я продолжаю:

– Далее – этот Майкл. Ему нужны Лика и ее наследство. Пока завещание не оглашено, она точно нужна ему живой. Ты – спорный вопрос, но пока играешь главную роль в спектакле, с тобой считаются и более или менее оберегают. Ну а далее я. Мне нужна Лика и чтобы она получила сполна то, что завещал ей отец. И теперь я – твой режиссер. Я буду писать твой сценарий, а ты будешь играть роль. По моим правилам, Света, понимаешь?

– Д-д-да. А я вам нужна живой? Точно?

– Я не убиваю просто так людей. Но и терпением не отличаюсь. Поэтому до первого серьезного косяка – да, живой. О том, что твои звонки и передвижения будут отслеживаться – говорить лишнее?

– Д-да.

Голос Светы дрогнул, но она продолжила вопрос:

– А вдруг он заподозрит что-то неладное и ...убьет меня, несчастный случай, все такое?

– Тогда это послужит уроком всем, кто ради полмиллиона соглашается на сомнительные сделки. Только и всего.

Мои дорогие! Напоминаю, что книга пишется в рамках литмоба

"Любовь под прищелом"

Все книги литмоба вы можете найти по ссылке

<https://litnet.com/shrt/gyuw>

Глава 16.

Лика

Это было очень волнительно, скорее, даже страшно заходить в наш дом. Здесь много всего было – и хорошего, и плохого, чаще – среднего. Когда приезжала на похороны отца, я здесь была не одна, а среди народа, а ночевать и вовсе не оставалась. Сейчас никого не было. Большой и пустой дом. А ведь как мы радовались, когда переезжали сюда. Точнее, я толком не помню как, но то, что радовались – точно.

А потом пошли перекосы. О-очень большие перекосы. Папа начал пропадать на работе днями и ночами. Я ждала, когда он найдет время прийти посидеть на ночь перед сном. Я понимала, что надо потерпеть, что вначале всегда сложно, а потом «я уже буду крепко стоять на ногах и буду только ваш, девочки» – я понимала его.

И было много денег. Резко стало много игрушек, каких-то украшений. И также резко исчезли привычные ароматы булочек с корицей. Меньше стало улыбок. Больше стало тревоги. Я не понимала откуда это, я была ребенком, но я питалась этой тревогой вопреки своему желанию.

Моя мама была самой красивой на свете. Она была такой мягкой, с длинными выюющимися волосами, с зелеными глазами. А голос... словно колокольчик звенит. Не мама, а Фея разговаривает. Конечно, этот образ был в моем воображении. На самом деле я ее не помнила вообще. А фотографий дома папа не хранил. Все разговоры на эту тему пресекались довольно жестко.

Неспешно прохожусь по комнатам. Дом не запущен. Даже пыли почти нет. Значит, кто-то приходит убираться? По привычке лазаю в холодильник, по шкафчикам – на самом деле кажется, что меня здесь ждали. Любимые конфеты с пчелкой на обертке. По привычке разворачиваю фантик и одна конфетка тут же оказывается у меня во рту. Вкуснотища!

Прохожу в папин кабинет. Когда была маленькой, мне не разрешали туда заходить, будучи подростком пару раз заходила. Не увлекло. Не понравилось. Папа очень не любил, когда прерывали его за работой. Вслух не говорил, но на лице все было написано большими буквами.

Почему я пошла в папин кабинет? Не к себе в комнату, где вечерами напролет читала книжки или отгораживалась от мира наушниками и любимой музыкой, которую отец не понимал и не терпел. Не в гостиную, которую очень любила, особенно когда приходили редкие гости. Не в подвале, где стоял бильярдный стол.

Возможно, я скучала по отцу. Конфетки с пчелками. Он помнил – мои любимые. Жалко, что я так и не смогла стать той, которую он так хотел – сильной, достойной его фамилии дочерью. А я сломалась. Сломалась в один день. Захотела невозможного для династии Сарматовых – жалости и ласкового слова. Никогда, ни при каких условиях отец не терпел жалости. Жалость – унижает. Она дает понять, что ты – слабая. Пока тебя жалеют, пока ты себя жалеешь – другие добиваются высот. Так он говорил, так учил.

И в этом же кабинете были произнесены те слова, за которые я возненавидела его.

– Эти подонки рано или поздно ответят за то, что сделали с тобой. А ты – соберись, Лика. Сарматовы сильные. И не нуждаются в жалости.

Нуждаются! Каждый, кто оказался в сложной ситуации нуждается, чтобы его пожалели, приласкали, а уж потом он опять сможет собрать себя целого. Малыш с больными лапками нуждался в жалости и лечении? Да! Пищал и просил, просто умолял о помощи! Стал от этого слабым? Как же, вылечился и вырос в хитрого манипулятора! Почему мне нельзя было сделать так же? Почему я должна была быть сильной тогда, когда хотелось просто лечь и умереть?

Убираю непрошеные слезы. Подхожу к гостиной. Серый диван с мягкими подушками. Огромные окна, зашторенные плотной бордовой тканью. Отдвигаю их в сторону, хочу впустить свет в огромную гостиную. Только пока я ходила, предаваясь воспоминаниям, стало вечером и вместо света только мрак, таинственный, тревожный заглядывал в окна. Каждый шорох заставлял вздрагивать – то ли ветер за окном играл с занавесками, то ли что-то другое пробуждало старые страхи. Хотелось все закрыть, захлопнуть, схватить свою сумку и убежать.

«Твой отец хочет убить нас. Надо бежать, бежа-а-ать...»

Страшный шепот из глубин подсознания снова добрался до сознания, заставляя дрожать.

Поддавшись иррациональному ужасу, я уже решаюсь позвонить Егору, сообщить, что не буду здесь жить, не могу, не хочу. Пусть решает все дела, какие есть в ближайшее время, а я уеду, улечу обратно. Но смартфон выскальзывает из дрогнувших рук, потому что раздается резкий стук в дверь, а затем я слышу скрежет ключа.

Только Егор может зайти сюда своими ключами.

Страх уступает место надежде место лишь на долю секунду.

Это не Егор.

Глава 17.

Стараюсь собраться, не показать, что все тело – голова, руки, ноги мелко дрожат. Это не призраки прошлого. Живые люди. Двое мужчин. Не в масках, не бандиты, ворвавшиеся с оружием. Мало ли кто присматривает за домом, не знали, что я уже тут. Садовники. Электрики. Но... черт, все равно доводы кажутся неубедительными.

– Кто вы?

А вот теперь все мои доводы и уговоры себя, что все хорошо, кажутся неубедительными вообще. Они не отвечают на мой вопрос, а просто заходят в гостиную и уютно так располагаются на диване. Моем любимом. И уютно, судя по всему, им. Мне – ни капельки.

Телефон! Быстрее ищу свой телефон. Надо позвонить Егору, Алексу, брату – хоть кому-то, потому что страх уже просачивается внутрь меня. Руки не слушаются, телефон выскальзывает из рук, точнее, его у меня просто забирают.словно ребенок, у которого забрали игрушку, с обидой шепчу:

– Отда-ай...

В ответ – наглая ухмылка.

– Теперь нет отца, правда, Лика? И маленькую богатую избалованную девочку защитить некому, правда ведь?

Что могу ответить? Молчу. Да и не хотят они со мной диалога, теперь я это точно знаю. Поглумиться, попотешаться, упиваться своим превосходством – вот что им сейчас надо, вот что им в кайф.

– Да она и отца, по слухам, не особо жаловала, – добавляет второй.

– Что вам надо? Вы кто?

Я прилагаю все усилия, чтобы мой голос звучал громче, увереннее, но все равно на выходе получается только жалкий шепот. И его игнорируют.

– Но мы ее научим уважать старших и сильных, – ухмыляется он же.

Первый проводит пальцами по моему лицу, не давая увернуться от мерзких прикосновений:

– Научим. Но не здесь.

К горлу подкатывает тошнота. Если я сейчас уйду с ними... позволю им себя увезти... это будет повторение... я не хочу...

Хоть что-то. Я должна сделать хоть что-то.

В прошлый раз я поверила. Делала все, что говорили. Не кричала. Не вырывалась. Поверила, что отпустят. Ложь. Ложь. Сейчас будет поздно. Надо что-то делать. Голова начинает раскалываться. Воздух застревает где-то в груди. Глаза. Их трудно сфокусировать, взгляд рассеивается... С большим трудом фокусирую их на вазочке для конфет, что стоит возле дивана. Резко схватываю ее, рассыпая свои любимые конфеты в разные стороны измахиваюсь ею прямо в лицо того, кто сидит на диване, широко расставив ноги. Наверное, в моем воспаленном от страха мозгу это и выглядело изящно, на деле же просто конфеты полетели на север-юг-запад-восток, а мои руки тут же были резко схвачены и заведены назад.

– Есть кому объезжать и воспитывать кобылку, хорош, ребята, в машину ее без лишнего шума.

Оборачиваюсь на голос. Оказывается, возле дверей стоит еще один. Третий. Он больше не говорит. Только смотрит. Взгляд страшнее всех слов. И если у меня на секунду и мелькнула мысль орать благим матом, чтобы хоть как-то выразить протест, выпустить эмоции, то сейчас этот порыв желания развеялся в один миг.

– Вот и умница, и правду лучше без истерики ехать, целее будешь, – отмечает этот третий, словно прочитав мои мысли.

Глава 18.

Как-то нелепо, все слишком нелепо. На моих глазах повязка, на запястьях – наручники, будто бы я смогла убежать, когда сижу на заднем сидении, прижатая двумя бандитами. В горле пересохло так, будто целый день шлялась по Сахаре. В голове изнутри стучали миллион молоточков, то ли усугубляя мое положение, то ли наоборот, эта боль удерживала, чтобы не скатиться в безумие, не сойти сума.

Что-то глухое ударило на колени того бандита, что сидел от меня справа:

– Держи бутылку, дай ей воды, не видишь что ли, как дышит, – это голос того, третьего, самого спокойного, но и самого страшного.

К моему рту поднесли пластиковую бутылочку, и я старательно отпила глоток, второй, третий, пятый. Вода была прохладная, освежала, кажется, что голова даже стала болеть меньше. Хотя нет, когда у того, со страшным голосом, зазвонил телефон, молоточки вновь начали бесперебойно работать. Телефон незнакомым голосом пробасил:

– *Девчонка в порядке?*

– *Да, шеф, едем.*

– *Отлично, значит, минут через десять заносим в дом нашу Лику.*

– *Понял, шеф. Есть какие-либо особые указания?*

– *Пока нет. Воды давать вдоволь, еды – чтобы не сдохла. Если понадобится – над поведением работать, однако не калечить. И ребят не забудь предупредить, чтобы не заигрывали там с ней. Придет и их время – поразвлекутся. Обещаю. Пока – ни-ни.*

– *Понял, шеф, на связи.*

С трудом, но информация сложилась в нечто осмысленное.

Паника. Нервы не выдерживают. Этот диалог, который я была вынуждена слушать, утопил все мои надежды на мирный договор. Никто со мной здесь разговаривать не будет. Все, что будет дальше – это уже игра по сценарию. Сценарий записан, изменению не подлежит. Даже надежда, что Егор будет меня искать, распалась на атомы – ему уже подготовили «их» Лику.

И вместе с молоточками в голове начали стучаться звуки, что складывались в одну фамилию – Новиков. К страху примешался калейдоскоп эмоций – гнев, омерзение, презрение, ненависть. К себе. К Новикову-старшему. К Новикову-младшему. Вопреки усилиям тошнота накатилась к горлу, а другая ее волна начала подниматься где-то из области желудка и после нескольких ее порывов вырваться наружу, мои мучители остановили авто и вывели меня на улицу. Тот, кто сидел по правую сторону, сдернул с глаз повязку.

Мы стояли возле обочины. Впереди дорога – широкая, безлюдная. Справа – поле, ветер приносил аромат земли, травы. Может, из-за этой свежей прохлады желудок перестал бунтовать и меня вновь посадили в авто.

– Еще десять минут и мы на месте, – не обернувшись сообщил тот, что за рулем. – Постарайся не блевать. В няньки тебе никто из нас не нанимался, и убирать за тобой не собирается.

Хоть это и не прозвучало вопросом, я поспешила угукнуть в знак согласия. Автомобиль тронулся. Водитель чуть приоткрыл окно, впуская мне в помощь свежий ветер. Я прикрыла глаза, стараясь дышать через нос.

Глава 19.

Игнат Родионович многим был как кость в горле, и случись с ним несчастный случай, под подозрение попали бы сразу несколько человек. Слишком прибыльным был его бизнес. Слишком мастерски он переплетал легальные и нелегальные сделки. Слишком часто выходил сухим из воды. А если быть точнее – всегда.

«Всегда», – повторил Новиков Валерий Степанович. Единственным слабым местом Игната была семья. В этом Новиков был уверен. Настолько, насколько вообще можно быть уверенным в том, что касается Игната Родионовича.

«Семья?» - переспросил он сам себя.

Нервно постучал ручкой по дубовому столу, а потом швырнул свой Parker в органайзер, словно тот был дешевой шариковой ручкой школьника. Естественно, не попал!

Вот именно!

Не попал!

Сколько раз он целился в Игната, в его бизнес, тихо, коварно, незаметно, столько же раз не попадал.

«В этот раз я попал в цель».

Возможно, Новикову так казалось. А может, действительно, правильно определил мишень. Теперь главное целиться пристальнее, бить побольнее.

«Семья. Игнат. Ценность» повторил бывший бандит, а ныне уважаемый бизнесмен Новиков. Он будто пытался понять, созвучны ли эти слова рядом.

Да. Он решил, что да. Не потому, что Игнат нежно любил жену и безумно ею дорожил, нет! Все бизнес-партнеры короля фарм-индустрии были уверены, что тот не способен любить. Немногие знали, даже не знали, а подозревали, что жена в дурке – то ли реально крыша поехала, то ли он подсуетился, но вслух об этом говорить, да что там вслух, даже шепотом, даже за закрытыми дверьми – не решались.

Однако Новиков не доверял никакой информации. Он верил тому, что видели его глаза. А жену Игната Родионовича в дурке он не видел. Да что там говорить, он и труп самого фарм-олигарха не видел. А потому не исключал всякого. Надо быть осторожным. Очень. Но первый шаг сделан. Лица у его ребят.

В принципе, из-за нее все и началось.

Началось...

Сколько лет прошло. Вроде не так уж и много. Его Никитка тогда был почти пацаном. Никчемным. Вредным. Злым. Избалованным. Безумно красивым. Таким знали его Никитку. Его, Новикова вина, что не доглядел за великовозрастным балбесом. Связался со шпаной, которая ничего из себя не представляет – ни имени, ни фамилии, ни семьи толковой, толпа дегенератов, а во главе – Виктор, которого Победой его же прихвостни называли. Только Никитке позволено было называть его Витей.

Только Новиков об этом потом узнавал. Когда уже поздно было.

А началось...

Не хочется Новикову вспоминать как все началось. Все внутри противилось воспоминаниям.

Как Никитка пришел со стеклянными глазами домой. Сначала все смял из холодильника, будто неделю не жрал, потом спать завалился. А когда проснулся – дурь уже начинала выветриваться – в ужасе пришел в кабинет.

– Мы с Витей завалили девку. Против ее воли. Меня посадят, пап...

Новиков поначалу легкомысленно отнесся к этой истерике.

– Где? В клубе? Небось, сама напросилась. Успокойся и проспись.

– Нет, она сопротивлялась сначала, плакала, отцом пугала. И вообще эта Лика девственницей оказалась.

Новиков хотел было уже сказать, чтобы сын не парил мозги, и он, и девка развлеклись, что не распечатай ее Никитка, завтра она перед другими бы ноги раздвинула, но ступорнула его на имени той девки.

Миллион девушек зовут Ликой. Но Новиков почувствовал как холодный пот струйкой стекает по спине.

– Что она сказала про отца? – спросил он пугающе хриплым голосом.

– Игнат, бизнесмен, тоже бандит бывший, сказала он из-под земли нас достанет. Па, я не хотел...

– Щенок!... – Тогда Новиков впервые ударил своего сына. Нет, он не боялся, что его посадят. Игнат только набирал силы, в те годы Новиков еще был его сильнее, но даже он понимал, что это временно и что время платить – настанет.

—

Глава 20.

Новиков курил. Много. С затяжкой. Торопливо всасывал в себя ядовитый дым, пытаясь вдохнуть каждую ядовитую молекулу, каждую частичку смертельного дыма.

Никитка никогда не видел отца курящим, и сам старался не попадаться на глаза отцу с сигаретой: отец терпеть не мог подобного дерьма, и мог запросто показать характер, лишив денежного довольствия на неделю, месяц. А Никита этого не хотел. Ему нравилось питаться в ресторанах, покупать брендовые шмотки, обескураживать девок шикарными подарками, среди недели срываться в Гоа или Шри-Ланку.

Новиков закурил в 46. Ненормально. Это время, когда другие бросают или пытаются бросить. И так дерганое бандитским прошлым здоровье «спасибо» за это, естественно, не скажало, тем более нормы Новиков не знал. Кашлял, почти блевал, голова отвечала на этот дым звенящей пустотой, а он, словно наркоман, все тянулся за сигаретой, второй, третьей, пятой. Курил много, нервно, без удовольствия, зато с бешеным исступлением, что-то заглушая, от чего-то прячась.

Спасибо психологу, бросить курить не помог, но указал на смысл его действий.

– У вас глубокая вина перед кем-то, может – перед самим собой. Надо отпустить ее. Не надо тратить время на бесполезную войну, борьбу с самим собой. Вы не находите, что то, что творите со своим организмом, похоже на самоубийство?

Увидев презрительную гримасу на лице Новикова, он продолжил:

– Да-да, вы считаете добровольное лишение себя жизни слабостью, трусостью. Тем более это недостойно такого уважаемого человека как вы. Но спросите себя: а зачем вы курите?

Новиков не хотел вот так выслушивать про себя всякую ерунду от кого бы то ни было. Закурив, он выпустил колечку дыма в лицо этому дорогому инфоцыгану, и молча вышел из кабинета. Больше он к нему не ходил.

Но тот был прав. Вина перед Никитой терзала, сводила сума. Мысли о том, что он не спас сына, не предвидел предательства Игната противным роем кружились в голове. Надо было их оттуда вытравливать, как вытравливают тараканов, клопов, и он курил, снова и снова. Его мыслям-тараканов было все равно на этот дым, а вот сам он травился.

Надо было это прекращать. Прекращать наказывать себя, когда можно было наказать истинных виновных.

Новиков воспрял духом. Игнат ответит ему за сына. смутная жажда мести, кружившаяся в голове начинала облачаться в конкретные образы, действия.

Бог свидетель, Новиков хотел мирно решить вопрос. Он предложил то, что никогда никому не собирался предлагать: организовать свадьбу Лики и Никиты. Ну а почему нет? Лика выйдет замуж за своего первого мужчину, Никите тоже нужно прекращать гулянки. С точки зрения бизнеса это был неплохой проект и для Игната, который уверенно начинал пробиваться в фарм-бизнесе, и для Новикова – такого партнера как Игнат, сильного, хитрого, умного и расчетливого он считал достойным себя.

И ведь Игнат согласился. Не с радостью. А почти молча. Как-то странно молча, что должно было вызвать подозрения, но интуиция в тот раз подвела Новикова.

Это было жестоко.

Через полгода Игнат должен был осторожно рассказать Лике о предстоящей свадьбе.

Новиков поздравлял себя с тем, что здорово разрулил патовую ситуацию.

Он ждал вестей от Игната.

А получил видео.

Окровавленный труп на обочине обнюхивали бродячие псы.

Но то был не труп.

То был его балбес Никитка.

—

Глава 21.

Лица

Темно и сыро. Апрель – не самый теплый месяц, чтобы ощущать себя более или менее комфортно в подвале. Я же была не только в подвале. Меня поместили в клетку. В самую настоящую, с прутьями, голым земляным полом, правда, с подобием матраца. Пожалуй, только матрац и отличал мое вынужденное жилище от клеток, в которых содержат зверей в цирках.

Впрочем, спектакль и цирк полным ходом разыгрывался и в моей жизни – страшный спектакль, ужасающий цирк. “Мы, Сарматовы, сильные, выживем в любых условиях, не нуждаемся ни в чьей жалости...” как мантру, повторяла я слова отца. Они будто бы и придавали силу, но...

...я никогда папины слова не принимала как что-то значимое. Я не хотела быть такой сильной как он, потому что такие не умеют любить – они берут. Иногда, то ли в моих снах, то ли в фантазиях проскальзывали будто бы обрывки воспоминаний, как кто-то гладит по волосам, называет куколкой и принцессой. И это мне нравилось гораздо больше.

В подвале, в котором по ночам остервенело пищат крысы, куколкой быть не получится. Это я точно знала.

А сильной?

Как можно быть сильной, когда к тебе, спокойно танцующей в танцполе в клубе сначала прижимается парень, потом практически вынуждает с ним кружиться в танце и, когда пытаешься уйти от навязчивого ухажера, понимаешь, что тебя тащат в закрытую приват-комнату и твой голос просто тонет в музыке и сотни других голосов.

– Пусти, придурок, мой отец найдет и приберет тебя как муху...

– Ух ты у девчонки голос прорезался, – усмехается другой, который еще более мерзкий.

– А ну-ка, Никита, лучше ты скажи, кто твой отец и что он может сделать!

– Отстань, Вить, просто девочке хочется пожестче, вот и рыпается.

– Круто! Давай, покажи ей, что Новиковы умеют пожестче...

И мерзкий смех.

Они даже не сразу поняли, откуда кровь залила диван в приват-комнате, а когда поняли – будто протрезвели. Ушли как крысы, что сейчас из-за щелей моего подвала выглядывают. Мерзко.

...К пищанию крыс, что ночами было особенно сильно слышно, присоединялись голоса-воспоминания. Слова, которые я слышала в машине отпечатались в головном мозгу и, иногда тихо, просто отравляя сознание, иногда громко, так, что накатывали волны, цунами паники начинали звучать сами по себе:

Воды давать вдоволь, еды – чтобы не сдохла. Если понадобится – над поведением работать, однако не калечить. И ребят не забудь предупредить, чтобы не заигрывали там с ней. Придет и их время – поразвлекутся. Обещаю.

Все, что было сказано в первой части, выполнялось в точности. Возле моей клетки с утра появлялась вода, иногда ледяная, иногда чуть теплая – так сказать, некое подобие разнообразия, и подобие завтрака – два куска черствого хлеба. Ближе к вечеру приносили еще пищу: в первый вечер молоко и хлеб, а на второй день я закатила истерику с просьбой отпустить меня домой и ужина меня показательно лишили. Так что далее я вела себя более чем благоразумно и с благодарностью принимала две остывшие картофелины и молоко в качестве ужина.

Насчет “не калечить” тоже все блюли, затрещины за малейшее сопротивление, синяки на руках от грубого захвата – были, но чтобы серьезно вредить – такого не позволяли.

Но самое страшное было то, что я слышала как переговариваются охранники, входящие в подвал, то, как они относятся ко мне – как к вещи, которой скоро будут владеть, только не

бережно-осторожно, а раздирать на куски. Главное для них – дожидаться разрешение от хозяина. А то, что это – Новиков я успела убедиться воочию. И если его сын-поденок Никита – всего лишь грязный и слабый обкуренный слизняк, не умеющий удержать свой член в штанах, то Новиков был сильной и расчетливой, а скорее даже еще и больной тварью.

Любимая фраза моего отца, которую я ненавижу до скрежета зубов – «Сарматовы сильные. Никого не боятся. Все переживут. Ни в чьей жалости не нуждаются» - в отношении Новикова давала трещину. Отец был очень осторожен с Новиковым. Не любил, но пересекался с ним по работе. И если остальные были пылью под его ногами, то с Новиковым он считался.

Я не знаю, на какой день меня приволокли к нему. Три, четыре, пять, возможно, шесть. Но то, что после встречи с ним моя жизнь в подвале-клетке изменится к худшему – Новиков сумел объяснить, нет, не просто объяснить, а красочно описать, что будет происходить в клетке на следующую ночь - ночь, которая должна была стать началом конца. Оперция "Сломанная кукла" во главе Новикова вот-вот должна была начаться.

Глава 22.

– Ли-ика! Сарматова Лика Игнатовна! Моя несостоявшаяся невестка! Ты ж моя хорошая, похудела, похорошела, хотя нет, слишком угловатая. Наши парни любят таких, а, Жор? – повернул Новиков голову в сторону двухметрового амбала, самого грубого из тех, с которыми мне приходилось контактировать.

– Ничё такая, парни уже облизываются, – отозвался Жора.

– А ну, покажи-ка ее во всей красе неписаной, – неприятно гоготнул Новиков.

Мое «Нет, пожалуйста» потонуло в гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.